

Камила Латыпова

Поэт и музыкант. Родилась и живет в Казани. Педагог, преподает флейту в школах искусств. Призер ряда российских и республиканских творческих конкурсов. Участник фестивалей («Таврида» и др.). Публиковалась в изданиях: «Менестрель» (Омск), «Идель» (Казань) и «Новый Орел+XXI век» (Орел).

Мама, дар твой — зоркий смех

К матери

у матери
слепли оба глаза, становясь двумя лунами
на небе тела, в траншеях мозга
глаза-люки с килограммовыми крышками
открою, в них — тоннели метро, без рельсов и вагонов
выход к реке пятен Куинджи
Лунная ночь на Днепре
густых облаков-усов в глубину груди кричащий взор
дочь с третьим глазом
назови Аджной, Шивой

оба глаза у матери слепли
железнодорожными светофорами
на станции не-жизни
и сплели колею к деревенской глуши,
где глуши — ни глуши — у деревьев и трав,
у стогов и избушек —

души.

Все — у матери.

Рожь, мажь

Я веслом разбиваю перемолотый асфальт цвета кобальта.
Гляжу запоздало в коброво-ночной летний пейзаж.
Берилловые травы в лунном отсвете — гвалтами.
Гавань плету из ржаных колосков. Рожь, мажь!
За периллы хватаюсь дачного домика, старушечьего.
На чердаке скрипит альт, скребутся каменные мыши.
Камышовые болота из трюма потного и мутного, игрушечного.
Два человека молятся в правых и левых углах, еле слышно.
Одна постель, один хлеб да вязаную скатерть в стороны:
тянут, да не порвать ее, она — продолжение платьев их.
Рубашки — бязевые кистями-пальцами дев-берез сотканы.
На небесных пальцах, не паяц там наверху, а чернец, суров да тих.

Кирпичи-бусы

Точь шелушащаяся кожа — обшарпанное здание в кирпичах.
Станция Смоленская аркой — бубликом из детства.
Сталинки — граненые стаканы или верхушки замков берегов Волжских.
Серо-болотное здание, в бутиках и аптеках, похоже на издательство.
Дождь мартовский — мертвое издевательство.
Шахматной доской — охровые такси.
Выход из метро — мелкие кубики кафеля —
бело-желтыми зубами вцепляется.
Меньше квадратного метра,
такая советская уличная уборная.
Оттепель.
Плиточными ирисками устланы стены
при входе.
Зубной болью повсюду любимых следы.
Жгутами душу сдерживают кольца куполов монастыря.
Восемью кругами.
Гуляли семьями когда-то.
Студенческая столовая, кондитерская «Красный октябрь»,
кинотеатр «Октябрь» воспоминаниями не помогают.
В закоулках Арбатской нитью растворяются тело и душа.
Кирпичи на Старом — бусы-четки, что шаг за шагом перебираю.

За спиной остался Скатертный переулок —
бахромой веток расстилается.

Трубами гулящими из училищ гудит.
Того и гляди — разлается.

Шалью

Мечеть, одна крыша — тюбетейка¹,
зеленая по традиции.
Другая — острие-меч в небо.
Эти полу-луны на пиках —
золотые сережки бабушки.
Да полумесяцы — талисманы от мамы,
потерянные мной.

Мечеть Нурулла недалеко от Парижской коммуны,
где когда-то в арочных дворах сталинок
рисовал шамаилы бабай²
да продавал их местным
на рынке.

Дэу ани³ читала что-то из Корана канарейкам.
Азан⁴ летел по улицам.

Иду мимо Камаловского театра — на заснеженной лавке
две девчонки-хохотушки
в теплых платках-шалях.
Так и я когда-то.

Дошла до Кремля.
На картонном темном небе
будто карандашом выписана башня.
В окошках стен полыхают огни-
факелы.
И нарочно ледяная брусчатая дорога
несет и несется
в метрополитеновые подземелья,

¹ Мужской и женский головной убор.

² Дедушка (татар.).

³ Бабушка (татар.).

⁴ Призыв к всеобщей молитве в Исламе.

где санями-вагонами
не вернуться ни к ани⁵,
ни к бабаю,
ни к дэу ани.
Укроюсь шалью.

Пророчество — иное

К Богу прислушаюсь, и ясность прольется иначе.
Снежными волнами поля пролегли.
Оленьими станами деревья хрустальные, избы, дачи.
Грубыми палками в земле фонари.

Звучом треугольника душа тонкая-тонкая.
Так ободок луны граничит со тьмой.
Словно ободочек в растрепанных волосах девочки
становится голубенькой тесьмой.

У случайно забредшего в поля пограничника:
тасма на поясе, на шее — «смерти медальон».
Глаза отплясывали последний танец, но опричник
стал для той девочки, что из ниоткуда
туманным платочком
укрыла раны тайком.

«Анна на шее», зимний бал, базар, порвался старый медальон.
Двое детей, он и она — в снежных волнах жизни, напевали перед сном
малеровские песни из «Чудесного рога мальчика».
Иначе зазвенела душа — колокольчиками.
Позже — церковным колоколом.

Мама, дар твой — зоркий смех

Мама, дар твой — озарять все смехом — неведом мне.
Даже за сотым моим грехом — унынием — твой зоркий смех.
Слышу — зоркий смех.
Вижу — звонкий смех.

Свою колею сколько найти, пылко, пытаюсь.

⁵ Мама (татар.).

Светлую, столько мрачных прочувствовала сторон.
Остолопом билась, за ветки обрезанные цеплялась.
Разбивалась песни чаша, чужих не задевала струн.

Нас учили ходить по струнке, уступать и кланяться.
В очередях ждать, час-другой, а может, десятки лет.
Но по Высшей задумке: ввысь ступать и крыльями касаться
Небесной дымки, любимых в Ангеловом дыму, держать обет:

За спиной о врагах ни слова, при встрече в лицо им улыбаться.
За спиной об ушедших плохого нельзя — стою перед взором их.
Вздору не предаваться, предавать — позорно, быть в строю — надо мне
карабкаться,
точь Мюнхгаузен, говорила мать: задором бить под дых.

Мама, дар твой — озарять все смехом — неведом мне.
Даже за сотым моим грехом — унынием — твой зоркий смех.
Слышу — зоркий смех.
Вижу — звонкий смех.

* * *

Воркуют как голуби
собаки во дворе.

Чего ждут?
Чего ждать мне —
я и так на цепи.

Мне станцуют в морском пузыре
черные псы-русалки —
не утонуть бы
во рту сплетников,
в утопии о тебе...
Сегодня листья перед окном
будто кованные,
чугунные.
Стволы и столбы,
как ржавые гвозди вбиты
рунами.

* * *

Целуюсь средь цинковых веток,
как цыганский напев шелест их.
В иноках или в воцерковленных
найду исцеление.

Притаись, мое счастье,
за спинами врагов притихни.
Давно ко всему готова,
целее — не целее искупление.
Целина перед взором моим,
стихи слагаю — шагаю в них,
как в озера в зените,
как в клокочущее смертью пленение.